

Михаил Сеспель

ГОЛОДНЫЙ ПСАЛОМ

Стихи в подстрочном переводе Геннадия Айги

Отрывки из дневников и писем

Руссика - Лик Чувашии

Шубашкар - 1999

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Подборка подстрочных переводов из поэзии Михаила Сеспеля с приложением его русских (сотворений и дневниковых записей, была подготовлена для издания ее во французском переводе. Часть стихотворений в переводе Мишеля Деги и Леона Робеля и мое предисловие были опубликованы в парижском журнале "Le Nouveau Commerce". Полностью все тексты были изданы отдельной книжкой в венгерском переводе (Mihail Szeszpel. Az Inseg Zsoltarai. Эгер, 1989).

27 февраля 1999

Москва

Геннадий Айги

В ДНИ СЕВА

Когда синий свет зари синим сверканием
13 синего окна на пол через золотистый стол.
"Вставай", - сказал отец. Я проснулся,
Потянулся, встал с теплой перины.

Из синего окна посмотрел я на улицу:
Высоко бегут синие облака.
Вскочил я, быстро оделся и вышел.
Умылся водой из родника. Свеж стал лицом.

Мать с отцом в амбаре грузят семена.
11 я запряг коня в плуг.
Вот мы с отцом выехали на сев,
Скрипя, остались ворота "по-русски".

Когда мы доехали до одного места, из синего окна
Золотистая девушка посмотрела, улыбнулась.
Сердце забилось быстрее, но надо было проехать.
Девушка осталась, все еще глядя в синее окно.

1919

(Шестистопный хорей, в основном без рифм: две строки рифмованы в первой строфе, три - в последней.)

Чуваш!.. Чуваш!..

Чуваш! Чуваш!.. [

Твои сонливые поля,

Твои тихие, смиренные, добрые, нежные,

Кроткие. робкие села

Любить я не в силах.

Так же ли робка душа чуваша

В то время, как приближается новый чувашский
мир?

Уместно ли тепло

Зевотного сна?.. Уместно ли?..

О, хотелось бы мне увидеть,

Что родной чуваш и отважен и смел,

Чуваш!..

Воспрянь и окрылись!

Глазами целься в солнце.

Ум чувашский - будь сталью,

Режь ты лед, - а встретив камень –

Режь ты камень и высекай огонь,

Будь сталью. раскаленной докрасна!

Чуваш! Чуваш!..

Чуваш! Чуваш!..

Стрелюю разящей, острой

Взвейся ты, свистя и шипя, - целься, -

Целься ты в мир, - вонзись.

Сердце чуваша! Стань очагом !

Шипи, кипи и бурли

Котлом, где плавят золото.

5 мая 1921, Крым.

(Четырехстопный ямб, рифмы; то - абаб, то - аабб, то абба, все мужские.)

ПАШНЯ НОВОГО ДНЯ

Отлит из синего луча [рассвета] плуг.

В оглоблях пляшет солнце.

Новый День - золотая голова с желтым отсветом –

Выходит в чувашское поле, чтобы совершить

пашню.

Ало-красное железо плуга Нового Дня,

Разрезая пласты земли, прокладывает борозды.

Под эти борозды ложится прошлый чувашский век,

Умирая, захоронясь.

Смотрит Новый День: его золотистый плуг

Разрыхлил и сделал черными иссушенные поля:

Бездонный холодный ключ через зеленый луг

Направил, орошая, в поля свою холодную воду.

Новый День стальной рукою с тысячами огненных
точек

Взял из желто-красного лукошка

В огненную ладонь тысячи, сто тысяч звезд

И сеет их в поле... И утренний луч золотою
бороною

Прошелся, очерчивая узоры, по Земле Чуваш.

Горящей сотней тысяч звезд.
Когда придет время для появления ростков.
Новым Днем из-под черной земли.
В образе солнечной нивы, солнечно расширяясь,
Смело взойдет Судьба чуваша.
Искры этой нивы, золотые-серебряные,
позументные,
Задорно потекут по земле звоном кэсле.

Чуваш нового века, могучего, с новым сердцем,
Коснувшись плечами синего неба,
Выйдя в поле жизни, наденет солнечную одежду,
Обнимет его Новый День нежно, радостно;
Перед ним, на новую дорогу, рождая новые цветы.
Опустится радуга Интернационала.

7 мая 1921, Крым.

(Пятистопный ямб с некоторыми шестистопными строками, рифмы: то
- абаб, все мужские; то - абвабв, вв - женские; также - абвабв, аа - мужские.)

МОРЮ

Море, море, в одежде из пены,
Бросай волну за волной.
Адским огнем, сверканием адским,
Глыбами огня, их кишением
Твори в себе овраги и впадины,
Наклоны в себе и откосы;
Слоями волн кренясь,
Обрушивайся и вновь кидайся,
Ревом борьбы

Сотрясай тяжелые облака,
В пляску бурную
Ввергай валуны и камни.

Море, море, перед тобой –
Новый поэт новых чуваш;
Ты гневно, мощью пения волн,
Голосом призывным борьбы
Очисти его от малодушия,
Силой моря его наполнил;
Пусть он сделает своим солнцем
Мощь и работу борьбы.
Пусть новый поэт и землю пашет,
И сено косит,
колет дрова.
О, Новый День! Заклинаю:
Не отступай!

12 июня 1921, Евпатории.

(Четырехстопный хорей, рифмы: абабвгп в; гг – женские.)

* * *

Тяжесть зловонной ночи,
Гарь старой земли
Да вспыхнет пожаром, да золою развеется.

И когда в огне обновится земля,
На нее с восхода
Новый облик мира да примчится молнией.

Сияние нового облика,

Его огненный дождь
Да зажжет в сердце Огненное Слово.

Центр Шубашкара
В горячем молнийном блеске-горении
Да станет очагом Нового Слова.
Пусть, работая, сложит новую песню.
А придется быть на свадьбе –
Пусть он там попляшет,
Пусть посмеемся...

Море, море, когда с тобой
Придет пора/ он разлучится,
И отправится в свой край, -
Пусть он своим собратьям
Завещает любить Новый Дух Нового Дня.
Был тих его народ, - пусть
Станет он громогласным.
Пусть душа его на новых путях
Реет на крыльях
Из пылающего жара.

Море, море, в одежде из пены,
Бросай волну за волной.
Тяжестью голоса, тяжестью камня,
Тяжестью силы, тяжестью огня
Устраивай в себе горы и овраги,
И несись на меня
Всем единением этих сил:
Только силу такой борьбы

Любит и огонь во мне...
А глаза, что смею впериться
В огонь нового мира,
В блеск нового облика мира –

Пусть их, эти глаза, горячий уголь нового
облика,
Нога [луч] нового солнца
Пронзит насквозь.

А те, у которых вяло-немошно сердце,
Те, кто немощен и слабосилен,
Пусть останутся мягко-вялыми жабами.

Эй! Зарница, Желтая [золотая] Зарница,
Вышивай [как узоры] путь по земле,
Развевай на нем шелковые кисточки сары.

26 июня 1921, Евпаторий.

(Первые две строки - двухстопный анапест, третья строка -
трехстопный анапест. Рифмы: то - ааа, то - ааб, ввб. все - мужские.)

Когда издали продвигается ночь, когда тень
вечернего дня
Сном покрывает поля.
Когда, вереница за вереницей, ряды разных мыслей
Начинают выстраиваться в уме. –
Призрачные туловища-силуэты древних веков
Видятся мне вдали.

Среди очертаний-туловищ древних веков
Видится мне лик чувашской страны:
Родина моя на красно-кровавом кресте
Высится, одиноко свисая.
Из обугленного мученического чувашского сердца
Каплет кровь, - постоянно - свежая кровь.
Черный, промозглый день над головою чувашской
Свищет и воет со всех сторон...

Когда проходит ночь, когда с Востока,
Просвечивая мир насквозь, выплавливая из рос
бусы для наряда.
Летний день приближается серебряным голосом. -
Любовно радует мои глаза со всех сторон
Снятие с креста - моей родины.
Ее воскресение из мертвых.

16 июля 1921. Евпатории.

(Четырехстопный анапест. Рифмы: абабаб, все мужские.)

ГОЛОДНЫЙ ПСАЛОМ

Отрывки

Костлявая рука Старого Дня
Распяла мою родину на крест:
Сухо-зубым ртом голода
Мою родину грызет, грызет, грызет.

I

Бревенчатые избы - избы с мученическим потом в
них -
Околевают, как изможденные нищие;

Лежат - больные. лежат - сохнувшие,
затвердевающие,
Лежат - подыхая, голодные нивы.

II

Немощно растянулась
Волга и ахает [нутром],
Желтые волны ее - в мусоре, рваные, как отрепья.
Стонет бесконечным стоном из нутра свое души.
Жалкая Волга
Оплакивает мою родину без слез.

III

В руках у костлявого голода - сердце страны.
Надежда, подобная цветку, расцветшему, как ясный
день, покрылась людом.
Иссякнув, заглохнув н сердцах, скрылась
Песнь Возрождения только что начатая.

IV

Солнце! Солнце! Когда ты было,
Ритм новой песни любил мою душу властным
Голосом [властно-голосно].
...Я потерял язык... Если умирает моя отчизна,
Кому ты нужна, моя песня... Скажи! Кому?

26 октября 1921, Киев

(В основном пятистопный ямб, но встречаются строки из четырех и из шести стоп. Рифмы: абаб; - женские. Первая строфа - вступление не арифмована.)

ПЕРЕКИНЬТЕ МОСТ

Дороги... На дорогах - трупы.

У околиц - груды мертвых костей.

Ах, тяжело, тяжело, душно.

Эй,

вы.

живые.

Через трупы, на горах костей

К солнечному Завтра

Мост разузорьте [перекиньте].

Ах!

Мост разузорьте.

Если я,

обессилен окончательно,

свалюсь.

Пройдите по мне, топча меня,

Железными ногами

Смело топчите мое сердце.

Ах,

топчите,

сломайте шею.

Если при постройке моста

Я свалюсь, обессилен,

Вы меня под мост –

В - о - о - н ! -

Киньте!

Ах,

киньте, сбросьте!

Время - не для нежностей.

Пора теплых песен позади.

Впереди - Солнце.

А это время - время смерти.

Чьи глаза не выжмут слезы.
Чья душа - камень, -
Через мост!
Две толпы:
Мощные - перейдут этот мост,
Немощных
Сбросят вниз.

На путях, вдоль дорог - трупы.
По всем просторам полей -
Груды мертвых костей.
Эй, живые! Через трупы
К Завтра
Мост перекиньте.

Ах,
х н ы ч у.
Нет больше сил, плечи ослабли.
Эй!
Сбросьте меня.
В-о-о-н!- киньте,
Киньте меня под мост.
Ах,
шею сломайте.

Октябрь 1921, Киев. (Вольные стихи, без рифм.)

ПОСЛЕДНИЙ ЛОМОТЬ

Последний ломоть в моей руке, последний
Обед мой - последний котел.
Мертвый лик голодноглазого Завтра

Смотрит белозубо, смотрит мне в глаза.

Последний ломоть передо мной,.. Последний.

30 октября 1921. Киев.

(Трехстопный анапест, рифмы: абаба, ааа женские.)

Алые-алые, алые маки,

В цветении ожившие в позапрошлом году,

Ветер разгневался, ветер разнес нас, рассеял.

Мягкую землю раскалил песок.

Маки в переливающимися лепестками,

В цветении ожившие в позапрошлом году!

Я - ваш хозяин - вдали от вас

Таскаюсь по миру, высохший от голода,

Помня алые-алые маки,

Горюя по алым макам.

Маки с влажно-блестящими головками,

В цветении ожившие в позапрошлом году,

Вернется ли снова к вам

Тепло солнечного полдня?

Дождетесь ли вы вашего хозяина

В саду, где расстелена зелень?

Алые-алые, алые маки,

Ожившие в цветении в позапрошлом году,

Ветер разгневался, ветер рассеял вас, -

Ваш хозяин таскается голодный по миру.

20 марта 1922. Чернигов.

(Пятистопный хорей, рифмы: аабб, все мужские. Третья строка первой и последней строфы -шестистопный хорей.)

ОТНЫНЕ

Последние капли крови

Отныне, превратившись камнями, горами,

Теплое слово, заледенеястряло в горле,

С вершин лесов сбежали [зарница],

Смерть покрыла собой лю отныне.

На Гору Муки [Голгофосиком

Повели Родину, взяв ее руки.

Кровавый пот шубашких стен

В моем разбитом [как *ло*] сердце отныне.

Сплошь в крови - что в моей руке?

Разрываю, превращаю х, превращаю в мясо,

На куски рву жилы,

Это мое - Сеспеля Михаила – кровавое сердце.

Как собака, с которой собрали кожу.

Буду в чужом плетне искогрызок [чужого хлеба].

Однажды в слякотную у подохну.

Голодно воя по Шубашкару

Отныне из нутра, высого в голодуже,

Будет исходить лишь стон холодного кладбища,

Огромным мельничным жерновом душа наполнится

Отныне, отныне, отныне...

6 апреля 1922. Украина.

(Трехстопный анапест, рифмы: абба, бб - женские.)

* * *

Вчера, в честь маленького сада,
Целый день справляла свадьбу весна.

С самого утра, в маленьком огороде
Ожил золотистый цветок, приподнялся.

На ветке юной березы
Иволга до вечера вышивала узоры [пения].

Сегодня - снег-и-вода в бедном огороде,
Под снегом - ало-золотой цветок.

Иволги нет на вершине березы,
Иволга моя - под снегом белым.

9 апреля 1922,

Украина, станция Бровары под Черниговом. (Девятисложная
силлабика, рифмы: аа.)

НА ДНЕ ДНЯ

Соловьиная синь и тишь.
В синей выси божия свечи.
Шепчет кто-то во мне: прости.
Мой зеленый, весенний вечер.

Шлю свое прости синеве,

По утру мне проснуться рано.
Вот захлопнута дверь -
И еще день мой в вечность канул.

И зачем перед сном гадать...
Жизнь бецелья штыком пронзена.
Поутру побрести опять
В зомотдел мне походкой сонной.

И в чернильнице сушью душа
Будет киснуть весь день, - и только
Мне в ответ целый день в ушах
Ремингтон будет скукой щелкать.

Будут всё мостовой стучать
Нагруженных телег вереницы,
Лошади головой качать,
Понукаемые возницей.

Но дни будут идти, плестись,
На конце не поставишь точки,
Лишь в ушах вся истыкана жизнь
Ремингтона щелканьем четким.

Все равно: не грустишь, грустишь —
Юность чьей-то пятой поправа.
Соловьиная ночь, прости:
Поутру мне подняться рано.

Поплестись поутру в отдел,

Чтоб чернилами жизнь узорить.
Жизнь ты, жизнь моя, где же, где
Мед твой стал нестерпимо горек.

Соловьиная синь и тишь,
В синей выси звезд четких свечи.
Сердце тихо звенит: прости, Мой зеленый, весенний вечер.

25 мая 1922,

Украина, с. Волчья Гора. (Написано по-русски.)

В солнечную Мань синевы
Ветер Дерзанья меня вознес.
Но сиянием жгучим высь
Растопила крыльев воск.

И упал я в топкую глушь,
Где журчали все реки вспять,
Где мне в ухо дней плоских уж
Прошипел, что больше не встать.

И, когда захотел я вдаль
К синеве пешком идти,
Друг любимый меня послал
Торговать в кооператив.

Май 1922, Украина, с. Волчья Гора. (Написано по-русски.)

Жизнь моя за какими холмами
Твой с уютною кровлей дом?
Тихой тенью, побитой камнями,
На распутьи стоишь босиком.

Стан твой юный, медвяные плечи
Выпила непогоды пурга,
И устам обескровленным нечем
Поцелуев огни возжигать.
И когда-то упругие груди
Рассекла ветра хлесткая плеть, -
Все же... кто же меня, кто же нудит
Жгучей жаждой к тебе пламенеть?

Жизнь моя! За какими холмами
Твой с уютною кровлею дом?
Тихой тенью, побитой камнями,
На распутьи стоишь босиком.

27 мая 1922,

Украина, с. Волчья Гора.

(Последнее стихотворение Сеспеля, написано по-русски, подписано:
М.Забытый.)

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ И ПИСЕМ

(От составителя. Дневники Сеспеля, написанные на русском были изъяты при аресте его 27 декабря 1920 года и впоследствии не были обнаружены. Сохранились только фрагменты, переписанные поэтом Н.Васянкой с разрешения Чувашской прокуратуры при подготовке первого сборника стихотворений Михаила Сеспеля в 1928 году, эти записи были опубликованы с пропуском отдельных мест, здесь они отмечены отточиями.)

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

10 ноября 1920

... Я - весь раздраженное и бессмысленное существо. Невольно разбираю, какие условия окружают мою материальную жизнь. Десятилетняя болезнь вконец разрушает мой организм. Скоро я буду накануне смерти. Каково это чувствовать, когда хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре. Более месяца не был в бане и не менял белья. От меня несет ужасной вонью. Во всем теле невыразимый зуд. По телу ползут вши. Эти вши, они одни могут управлять движением моего мышления, от одних этих вшей зависит весь душевный мир, душевный импульс. Во время работы в учреждении не имею возможности раздеться - нет рубашки, а которая на теле, вся истлела. Тесная квартира вся забросана хламом. Спим с братом на голых досках, поедаемые клопами. Хожу в рваной одежде, а если это может являться причиной того или иного отношения ко мне окружающих людей? Ужасно! Какое избитое интеллигентское слово - слово ужасное - для выражения чувств, но это слово от всего моего организма, от каждого атома моего тела. Смотрю и вижу, что кругом такие же ответственные работники, как я живут в хороших квартирах, одеваются в теплые шубы, катаются на лошадях и держат себя так, словно они богом поставлены на занимаемые ими

должности. Тысячи чертей! Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, глубоко уверен, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми путями - абсурд, потому я ненавижу, презираю всеми силами души всех своих партийных товарищей, одетых в теплые шубы, сапоги и т.д. Когда миллионы красноармейцев терпят холод и голод, неужели я вправе пользоваться материальным довольствием? Нет! Тысячу раз нет, но не вижу я ни одного идейного работника, понимающего эту истину. Теперь я знаю силу факта - зуд. Он может управлять всем существом человека...

12 ноября 1920

... Какая космическая трагедия - сознавать, когда хочется, чтобы сердце звучало миллионами вечно-блаженных мелодий великого восторженного счастья строительства, борьбы, счастья от любимой женщины, - сознавать, что тело твое разлагается, как у трупа, и нечем его остановить...

13 ноября 1920

Прошлой ночью мне исполнилось 21 год... Двадцать один год тому назад в такую же ненастную осеннюю ночь я родился среди крестьянской нужды, горя... и мне кажется странным все начало.

Прошлая жизнь моя разделяется на 3 периода - 1-ый до 1911 года июня месяца, протекавший хотя и в ужасной бедности, но светлое, яркое детство. 2-ой же период - начавшийся жестоким ударом, ужасной драмой в семейной жизни, полный материального и духовного гнета буржуазного общества - закончил я в 1918 году началом третьего периода - вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семенных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи: я - коммунист!..

Из письма к Анастасии Червяковой

от 15 апреля 1921

В конце прошлого года, в то время, когда я был в Казани, в мое отсутствие сгорел отдел Юстиции. Один донес, что я наущал прислугу поджечь здание, когда я уеду в Казань. Словом, у меня много было недоброжелателей, готовых столкнуть меня каждую минуту. Этот же случай им послужил на пользу. Когда мне предъявили обвинение, я сказал, что я не дорожу должностью, как они - бюрократы, и для фурора признал себя виновным, сказал, что нанимал прислугу сжечь отдел Юстиции и все Ч. (Чека? Чебоксары? - Составитель). Меня, конечно, арестовали. Было, конечно, очевидно, что никто не подозревает меня в поджоге, но им было под руку обвинение меня, в котором я им и помог. Да к тому времени я был вконец измучен работой. Вес окружающие меня чиновники..... надоели мне до тошноты. Все располагало меня к разным чудачествам. Хотелось, как ребенку, показать, что должностью не дорожу, что должность не личное положение. Теперь будет суд, конечно, не скоро, колесо бюрократии..... не скоро двинешь.

.....

Чека вынесла мне приговор трехгодичного тюремного заключения. Но приговор в силу почему-то не ввели, а дело передали в Ревтрибунал. .... Не знал, что дело пойдет так далеко.

.....

Вернее всего, меня засадят года на три. Бюрократия нарушителей своей морали мстит очень утонченно. Но я горд тем, что бюрократом никогда не был. До конца был коммунистом. А теперь ничто..... На партийные собрания мне ходить запрещено. Выезд из города мне воспрещен.

Быть игрушкой в руках людей - черствых, полных лжи. Быть предметом глумления, насмешек людей!.. Как жизнь проста. Никакой тайны нет в жизни. Все так плоско.

В наших отношениях, например. Вы знаете кем были Вы для меня

(всем - и небом, и землей, звездами, и солнцем, и юностью, и весной). Я жил Вами. Вы любили другого. Разбили мою жизнь - и извинились. О чем же тут вздыхать и воображать какую-то неведомую таинственность. Так должно было быть. Было все как следует, по-земному, по-людски. Вы - были женщина. Я - мечтатель, идеалист, растяпа. Идеализм в нашу эпоху преступление. Мечтатели, воображающие какую-то нежную гармонию, небесные симфонии в движении душ людей - платятся своей жизнью. Я теперь не живу ..... Когда Вы узнали мое "видное положение", возобновили переписку. Я разъяснил Вам мое теперешнее "видное положение" - от Вас ни одного слова. Как просто. Как это умирительно просто. Жизненно. Нет уж, мне не понять такой утонченной простоты. Жизненности. Похвально, Вы делаете по-людски. Как Вы дорожите всегда мнением людей. По-людски, по-людски.

Запись на отдельном листе, 1921

(автограф не сохранился)

... Бесконечно возмущает меня то, что я явился жертвой самых маленьких обстоятельств...

Я уверен, буду втолкнут в тюрьму. Теперь уж постараются. По-видимому, я кончу очень плохо. Одного желаю, чтобы достало сил среди безмозглых, тупых баранов, среди всех гонений остаться коммунистом. Моя участь решена. Мне в Чувашии, в своей области житья не будет.

Из письма к редактору чувашской газеты

"Канаш".

Киев, конец 1921 - начало 1922

(Перевод с чувашского. Автограф не сохранился)

Когда родина моя погибает, я, затерянный, скитаюсь вдалеке по степям Украины. Все мои помыслы о родной стороне; и днем и ночью я думаю: не стерла ли начисто с лица земли, не погубила ли мою родину Мука этого

времени голода, и мы - разбредшиеся выходцы из родного края - неужели навеки останемся без родины, без породившего нас народа и вечно будем скитаться по свету сиротам.

Но иногда хочется обмануть свой ум солнечногорящей надеждой. И тогда я думаю про себя: авось не погибнем, авось эта Мука, родина снопа оживет, и мы разбредшиеся сироты, вновь соберемся в родном краю и увидим возрождение чувашской литературы. Дорогой мой товарищ, жив ты или нет тебя? Быть может, лишь обманчивыми мыслями я представил себе твой образ? О, как бы узнать: жив ли "Канаш" или погиб в тисках Муки..... Хотя бы сообщите вкратце: как с моей родиной? Не совсем ли она погибла? Кто читает "Канаш", кто для него пишет? Печаталась ли в эти годы каким-либо образом чувашская поэзия?

Если "Канаш" жив, и я бы сумел что-либо написать для него.

Дорогой товарищ, остаюсь с приветом к Вам и любя всем моим существом родину... стоящую на краю гибели.

Из письма к украинскому поэту-крестьянину
Федору Пакрышень. Киев, декабрь 1921 -январь 1922
(автограф не сохранился)

Моя душа надломлена ужасом окружающей картины. Вижу на станции голодных с страшными исхудалыми лицами, в лохмотьях - беженцев с Волги. В прошлые сильные то тут, то там они - умирали кучами - больные, замерзшие, и их сотнями, как дрова, накладывали на дровни и увозили, ничем не прикрытых; торчали голые руки и голые ноги; ноги мотались, повиснув с саней. Другие... совсем босые, неприкрытые... едут и стонут.

На базаре, где торгуют на миллионы, где и булки, и хлеб, и сало - и все... босые, покрытые язвами, в отрепьях беженцы с Волги лежат и просят бессловесно хлеба.

Я усталый, разбитый и голодный. С голоду теряю сознание и рассудок...

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

В дни сева. *Ворота "по-русски"* - по образцу русских ворот.

Золотистый стол - у автора буквально: желтый.

Желтый (золотисто-желтый) цвет, наравне с зеленым и красным, - любимый цвет чуваш (например, и солнце, и красивая девушка для чуваш - *желтые*).

Пашня нового дня. Крупнейший чувашский художник Анатолий Миттов (1932-1971) считал это стихотворение "гениальным образцом чувашского живописного колорита".

Морю. Стихотворение дано в сокращении составителя.

Когда издали продвигается ночь... *Бусы для наряда* - бусы встречаются почти на всех чувашских женских нарядах.

Тяжесть зловонной ночи... Стихотворение дано в сокращении составителя. *Шубашкар* чувашское наименование города Чебоксары. *Сара* - старинное чувашское женское украшение в виде расшитого и унизанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу (этнографы считают, что созвучность этого слова с индусским сари не случайна).

Последний ломоть... Сохранившийся фрагмент большого стихотворения.

На дне Дня. Стихотворение написано по-русски. Примечательно, что образ Нового Дня, часто встречающийся у Сеспеля, превращается здесь в "дно дня". *Земотдел* - земледельческий отдел (в данном случае - отдел районного Исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов). *На конце не поставишь точки* - единственная переключка Сеспеля в творчестве Маяковского (см. в поэме последнего "Флейта-позвоночник:"... не поставишь ли лучше точку пули в своем конце").

В солнечную Мань синевы... Стихотворение написано по-русски.

Жизнь моя, за какими холмами... Стихотворение написано по-

русски.

Голодный псалом. Составитель и редактор первого сборника Михаила Сеспеля (Чебоксары, 1928) поэт Никифор Васянка сообщает, что "стихотворение "Голодный псалом" состоял из пяти отдельных больших стихотворений". Думаем, что композиция данного варианта текста также принадлежит самому Сеспелю, как и подзаголовок "Фрагменты".

Отрывки из дневников и писем. Дневники Михаила Сеспеля, которые он вел в течение ряда лет, не сохранились (так же, как и большинство автографов его стихотворений). Все рукописи и личные документы поэта были изъяты после ареста его в декабре 1920 года Чувашским Революционным Трибуналом и украинской милицией после его самоубийства летом 1922 года. Отрывки из дневников 1920 года были выписаны в Чувашской прокуратуре поэтом Никифором Васянкой при подготовке им сборника стихотворений Сеспеля в 1928 году - они были сильно цензурированы и пестрят отточиями. Из публикуемых в этом разделе отрывков сохранился только автограф письма Сеспеля к его единственной любви - русской женщине Анастасии Червяковой (1889-?), - более тридцати писем, сохраненных арестантом, было опубликовано в Собрании сочинений М.Сеспеля в одном томе (Чебоксары, Чувашское Государственное издательство, 1959) с большими купюрами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя

В дни сева

Чувашское Слово

"Чуваш! Чуваш!.."

Пашня Нового Дня

Морю

"Тяжесть зловонной ночи..."

"Когда издали продвигается ночь..."

Голодный псалом

Перекиньте мост

Последний ломоть...

Алые-алые алые маки...

Отныне

Вчера, в честь маленького сада...

На дне Дня

"В солнечную Мань синевы..."

"Жизнь моя, за какими холмами..."

Отрывки из дневников и писем

Примечания составителя